

Тихомиров П. В. К вопросу о политических, национальных и религиозных задачах России // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 264—285 (3-я пагин.). (Окончание.)

Къ вопросу о политическихъ, національныхъ и религиозныхъ задачахъ Россіи.

(Окончаніе).

3. Религіозная программа.

Религіозный идеаль русскаго народа есть *православіе*. Это—центральный и основной идеаль среди всѣхъ русскихъ идеаловъ. Таково мнѣніе г. Кирѣева, и—мнѣніе, гонечно, глубоко справедливое. Мы уже видѣли, какъ свой политическій идеаль онъ могъ оправдать, только сводя его, въ послѣдней инстанціи, къ идеалу религіозному. Въ разсужденіяхъ-же своихъ о православіи онъ прямо и рѣшительно заявляетъ, что „только православная церковь можетъ не только выполнить свое высшее назначеніе относительно каждаго отдѣльнаго христіанина, но и дать высшее освященіе, высшую санкцію, государству; только она превращаетъ политическое Россійское государство въ *Святую Русь*, т. е. въ государство-церковь, чѣмъ наше отечество и должно оставаться вѣчно и неизмѣнно“ (стр. 4—5). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо называетъ православіе „принципомъ, нормирующимъ всю систему“ славянофильскаго ученія (стр. 12).

При такой громадной важности православія необходимо, чтобы идеаль этотъ былъ точно опредѣленъ въ своемъ положительномъ содержаніи. Къ сожалѣнію, воззрѣнія на этотъ предметъ,—не только распространенныя въ свѣтскомъ обществѣ, но и высказываемыя иногда въ ученыхъ богословскихъ изслѣдованіяхъ,—лишены полной ясности и отчетливости. Не совсѣмъ избѣжалъ этого недостатка и г. Кирѣевъ. *Что такое православіе?*—Прямо этимъ вопросомъ авторъ не задается; но высказываемыя имъ отдѣльныя сужденія по различнымъ частнымъ пунктамъ, касающимся православія, позволяютъ видѣть, какое представленіе онъ имѣетъ объ

этомъ предметѣ. На стр. 4 его „Краткаго изложенія“ читаемъ: „Православная церковь наша одинаково удалена какъ отъ доведеннаго до абсурда авторитета римскаго первосвященника (непогрѣшимость), уничтожающаго всякую нравственную свободу христіанина, такъ и отъ протестантской атомизаціи церкви, уничтожающей всякій авторитетъ“;—въ православной церкви „уравновѣшены свобода и авторитетъ ¹⁾“, и она „неизмѣнна въ своемъ божественно установленномъ ученіи“. Мы видимъ, что православіе здѣсь прежде всего опредѣляется, какъ середина между католичествомъ и протестантствомъ, —опредѣленіе *дволю-отрицательное*. Безспорно, что историческія судьбы православія и православной богословской науки, издавна вынужденной вести борьбу на два фронта,—съ католичествомъ и протестантствомъ,—даютъ право для практическихъ и преимущественно *полемическихъ* цѣлей довольствоваться и такимъ опредѣленіемъ православія; такъ повелось у насъ, по меньшей мѣрѣ, еще со времени Теофана Прокоповича и Стефана Яворскаго; борцы противъ католичества сражались протестантскими аргументами, а полемисты противъ протестантизма невольно склонялись къ католичеству. Но развѣ православіе помимо задачъ полемическихъ не имѣетъ другихъ задачъ, *положительныхъ*?—Конечно, имѣетъ—и ихъ гораздо больше. И теперь все чаще и чаще начинаютъ раздаваться требованія какъ со стороны власти церковной, такъ равно и со стороны общества и самихъ православныхъ ученыхъ, чтобы наука православная не забывала и своихъ положительныхъ задачъ, а удѣляла имъ главное свое вниманіе. Но что-же такое православіе въ своемъ положительномъ содержаніи?

Не могутъ-ли дать такого указанія на положительное содержаніе православія сужденія автора о взаимоотношеніи въ православной церкви авторитета и свободы и его замѣчаніе, что прав. церковь неизмѣнно хранитъ богоустановленное ученіе?—Что касается перваго, т. е. авторитета и

¹⁾ Эту мысль объ уравновѣщенности въ православной церкви авторитета и свободы авторъ подробно развиваетъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 24);—очевидно, она составляетъ *существенный элементъ* въ его представленіи о православіи.

свободы, то мнѣніе г. Кирѣева объ этомъ предметѣ мы не можемъ признать правильнымъ. Православная церковь вовсе не отрицаетъ за собой непогрѣшимаго авторитета и не видитъ въ идеѣ „непогрѣшимости“ ничего „абсурднаго“. Въ православіи тоже есть *непогрѣшимый авторитетъ*, это—авторитетъ *вселенскаго собора*. И заблужденіе Рима мы видимъ не въ томъ, что онъ признаетъ непогрѣшимость церкви, а въ томъ, что носителемъ этой непогрѣшимости онъ считаетъ одного человѣка, — папу. Что-же касается до *неизмѣннаго сохраненія богоустановленнаго ученія*, то здѣсь дѣйствительно указывается вѣрный признакъ православія, но, во всякомъ случаѣ, не исчерпывающій этого понятія и, — что весьма важно, — опять всетаки не дающій основанія для точнаго и принципиальнаго различенія православія отъ католичества и протестантства. Вѣдь и католики охотно подпишутся подъ требованіемъ неизмѣннаго сохраненія богоустановленнаго ученія, не смотря на то, что понавыдумали множество новыхъ догматовъ, неизвѣстныхъ древней церкви: мы, скажутъ, только пополняемъ и развиваемъ древнее ученіе, не измѣняя его въ существѣ. И протестанты не возражаютъ ничего противъ этого требованія: мы-де такъ и дѣлаемъ, — принимаемъ только богоустановленное, т. е. возвѣщенное Христомъ и Апостолами въ Евангеліяхъ и посланіяхъ, и отвергаемъ лишь позднѣйшія добавленія и измѣненія, внесенныя церковью. Выходитъ опять, что православіе какъ-бы стоитъ на распутіи между католицизмомъ и протестантизмомъ. Неужели-же мы такъ и не найдемъ собственнаго положительнаго признака православія?

Попытаемся разобраться. Начнемъ съ самыхъ терминовъ— „*православный, православіе, ὀρθόδοξος, ὀρθοδοξία*“. Термины эти появились въ первые вѣка церковной исторіи, въ періодъ борьбы церкви съ ересями, и обозначаютъ понятіе *противоположное ереси*. По филологическому значенію, „*ὀρθοδοξία*“ есть „правомысліе“, „правовѣріе“, — смыслъ чисто формальный. Въ чемъ-же сущность этого „правомыслія“? Что служитъ признакомъ этой „правильности“ церковнаго ученія и ложности ереси?— Чтобы видѣть это, мы должны обратиться къ практикѣ Вселенскихъ соборовъ. Какъ на нихъ устанавливалась истина?— Отцы Вселенскихъ соборовъ, предстоятели помѣстныхъ церквей, были каждый

свидѣтелемъ вѣры своей церкви и *свидѣтелемъ апостольскаго преданія*, хранившася въ этой церкви. Поэтому первымъ признакомъ правильности извѣстнаго ученія служило возведеніе его къ апостольскому преданію. Но какъ совершалось это возведеніе къ апостольскому преданію?— Для этого существовало два способа: 1) если на вопросъ, затрогиваемый ересію, въ основанныхъ апостолами церквахъ хранился отъ временъ апостольскихъ ясный и опредѣленный отвѣтъ, или таковой отвѣтъ находился въ писаніяхъ апостоловъ, то дѣло рѣшалось простой справкой, простымъ засвидѣтельствованіемъ апостольскаго характера извѣстнаго ученія; 2) если-же такого прямого и точно формулированнаго отвѣта, сохранившася отъ временъ апостольскихъ, не оказывалось ¹⁾, то такое возведеніе къ апостольскому преданію дѣлалось чрезъ посредство обще-церковнаго вѣросознанія, непрерывно и неизмѣнно жившаго въ церкви отъ апостольскихъ временъ. Вотъ отъ этого *общецерковнаго вѣросознанія* и оторвались католичество и протестантство.— первое, признавъ единственнымъ его носителемъ папу, а второе,—совсѣмъ его отвергнувъ. Лишь православіе осталось ему вѣрно и въ немъ имѣеть свой *существенный положительный признакъ*.

Въ чемъ-же сущность этого обще-церковнаго вѣросознанія?—Вѣра христіанская не есть только *доктрина*, владѣющая умомъ человѣка, подобно, напр., философскимъ ученіямъ. Она есть нѣчто несравненно большее, захватывающее *всего человѣка*,—и его чувство, и волю. Истиннохристіанское вѣросознаніе неизбѣжно предполагаетъ извѣстное *нравственное настроеніе*, при которомъ христіанинъ чувствуетъ себя *въ единеніи со Христомъ и со всею церковью*. При такомъ настроеніи, догматы вѣры не являются для человѣка чѣмъ-то отрѣшеннымъ отъ практическихъ (волевыхъ и эмоціональных) интересовъ его духа, а служатъ ихъ естественнымъ и полнымъ отзвукомъ. Въ душѣ истиннаго христіанина существуетъ полная гармонія между его

¹⁾ Такъ, напр., было въ нѣкоторыхъ хринологическихъ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ на Вселенскихъ соборахъ формулировано хся и не въ апостольскихъ терминахъ, но безусловно согласно съ апостольскимъ ученіемъ.

вѣросознаніемъ и нравственнымъ настроеніемъ. Догматы вѣры, усвоенные изъ божественнаго откровенія и священнаго преданія, до того сродняются съ душой истиннаго христіанина, съ его нравственнымъ настроеніемъ, что послѣднее безъ нихъ становится немислимо: вѣросознаніе дѣлается суммой теоретическихъ (метафизическихъ) *постулатовъ нравственнаго сознанія*, а нравственное сознаніе—практическимъ *эквивалентомъ вѣросознанія*. Такая полная *гармонія* вѣросознанія и нравственнаго сознанія еще усиливается сознаніемъ своего единенія со Христомъ и церковью. Эта *многократная координація вѣросознанія и нравственнаго сознанія*,—во первыхъ, въ душѣ отдѣльнаго христіанина, во вторыхъ, въ церкви между всѣми ея членами, въ третьихъ, между церковью настоящаго времени и всѣхъ предшествующихъ вѣковъ,—*предотвращаетъ всякую возможность искаженія апостольскаго преданія*. Чѣмъ полнѣе гармонія, тѣмъ рѣзче чувствуется всякій диссонансъ. Теперь представимъ себѣ, что изображенному нами истинному христіанину (а таковыми были всѣ отцы Вселенскихъ соборовъ) предстоить какое-нибудь еретическое мнѣніе. Человѣкъ, внѣшнимъ образомъ, однимъ только умомъ усвоившій себѣ христіанскія истины, можетъ еще призадуматься надъ этимъ мнѣніемъ, начать его обсуждать, взвѣшивать и, въ концѣ концовъ, можетъ попасть въ сѣть еретическихъ софизмовъ ¹⁾. Но истинный христіанинъ сразу-же чувствуетъ, что это ученіе—или 1) помрачаетъ образъ Христа, живущій въ душѣ его и представляющій неизмѣнный отблескъ того образа, какой носили въ своей душѣ и Апостолы, и всѣ послѣдующіе христіане ²⁾, или 2) лишаетъ всякаго смысла и основанія его нравственныя стремленія и идеалы, или 3) нарушаетъ его единеніе съ церковью. По этимъ тремъ критеріямъ онъ сразу-же видитъ и чувствуетъ, что данное ученіе противорѣчитъ апостольскому преданію.

¹⁾ Напомнимъ здѣсь изъ исторіи аріанскихъ споровъ, что люди съ преобладаніемъ разсудочности надъ христіанскимъ чувствомъ и благочестивой настроенностью легко увлекались раціоналистической аргументаціей аріанъ.

²⁾ Это и служитъ самымъ существеннымъ признакомъ ереси. Древняя церковь потому и относилась такъ строго къ ересямъ, что онѣ *разрушали все домостроительство нашего спасенія, въ ничто обращали все дѣло Христово*.

При помощи этихъ трехъ критеріевъ и на Вселенскихъ соборахъ происходило возведеніе къ апостольскому преданію всякаго обсуждаемаго ученія. Каждый, кто внимательно изучалъ исторію Вселенскихъ соборовъ и памятники ихъ дѣятельности, конечно, знаетъ это.

Теперь мы можемъ возвратиться къ поставленному выше вопросу, — что служить признакомъ „правильности“ церковнаго ученія, „*orthodoxia*“? — Такихъ признаковъ мы нашли четыре.

Извѣстное ученіе православно, когда оно — 1) *прямо содержится въ писаніи и преданіи апостольскомъ* ¹⁾, или, по крайней мѣрѣ, имъ не противорѣчитъ; — 2) *не приводитъ, прямо или косвенно, къ отрицанію совершеннаго Христомъ дѣла искупленія или къ отрицанію Его богочеловѣческой личности*; — 3) *прямо или косвенно не приводитъ къ противорѣчію основнымъ потребностямъ христіанскаго нравственнаго сознанія*; — 4) *не противорѣчитъ ученію церкви всѣхъ прежнихъ вѣковъ*.

По своей *важности* первый изъ этихъ критеріевъ является главнымъ и *основнымъ*, а три прочіе — *вспомогательными*, восполняющими его и предохраняющими отъ превратнаго пользованія имъ: припомнимъ, что всѣ еретики, отъ древнихъ временъ и до нашихъ дней, старались приводить свое ученіе въ согласіе съ Св. Писаніемъ и часто злоупотребляли для своихъ цѣлей твореніями перво-христіанскихъ писателей.

По своему *логическому характеру* первый есть критерій *матеріальный*, а прочіе — *формальные*: не руководясь первымъ, нельзя получить *христіанскаго* ученія, но истинно христіанскимъ, *православнымъ* извѣстное ученіе можетъ быть, — только удовлетворяя тремъ остальнымъ критеріямъ.

Наконецъ, въ *отношеніи къ вѣрующему христіанину* первый и четвертый критеріи суть *объективные, внѣшніе* а второй и третій — *субъективные, внутренніе*: первый и четвертый указываютъ на *авторитетъ*, безъ согласія съ которымъ христіанинъ перестаетъ быть въ своемъ вѣрованіи право-

¹⁾ Хранилищемъ апостольскаго преданія мы считаемъ памятники перво-христіанской литературы.

славнымъ, отторгается отъ вселенской церкви, второй и третій указываютъ на *живое, личное отношеніе* вѣрующаго къ церковному вѣроученію, дѣлающее его живымъ членомъ церкви, какъ тѣла Христова, при чемъ его подчиненіе вселенскому авторитету перестаетъ быть рабскимъ, слѣпымъ, какъ въ католичествѣ, а становится *свободнымъ*, сыновнимъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ можно было бы принять утвержденіе г. Кирѣева, что въ православной церкви уравновѣшены авторитетъ и свобода (см. выше).

Ученіе, удовлетворяющее этимъ требованіямъ, будетъ безусловно православнымъ и истиннымъ.

Мы потому такъ подробно остановились на выясненіи точнаго понятія о православіи, что лишь имѣя его въ виду, можно по достоинству и основательно оцѣнить дальнѣйшіе пункты религіозной программы г. Кирѣева.

Положеніе православной церкви г. Кирѣевъ находитъ „крайне труднымъ“ (стр. 13). Вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ онъ это положеніе: „Православная церковь разбита на пятнадцать автокефальныхъ частей, разъединенныхъ и почти лишенныхъ возможности поддерживать другъ друга въ случаѣ опасности или нужды. Онѣ вынуждены вести тяжелую борьбу за существованіе противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Зачастую имъ приходится защищаться и отъ государствъ, въ которыя онѣ включены исторіей, тяжкую борьбу имъ приходится вести съ латинствомъ, постоянно усиливающимъ свою пропаганду, и съ нѣкоторыми протестантскими обществами, тоже, подѣ часть, склонными къ пропагандѣ. Наконецъ, не должно забывать и враговъ чисто отрицательнаго свойства—разныхъ философскихъ ученій (враждебныхъ не только христіанству, но и всякому деизму), и въ особенности современный индифферентизмъ, неустержимо подтачивающій наши нравственныя силы. Не вездѣ борьба эта и успѣшна“. Такъ рисуется дѣло въ „Краткомъ изложеніи славянофильскаго ученія“ (стр. 13). Въ „Религіозныхъ задачахъ Россіи на православномъ Востока“ эта-же картина рисуется болѣе подробными и болѣе мрачными чертами (стр. 10—23). Отсюда мы узнаемъ, какъ дѣйствительно слабъ православный востокъ, и какая грозная опасность падвигается на него съ запада, главнымъ образомъ, со стороны католическаго Рима, и теперь уже

сдѣлавшаго тамъ громаднаго завоеванія, но способнаго съ еще большей силой ринуться на свою жертву послѣ предстоящей смерти „больного челоуѣка“, паденія Турецкой имперіи; узнаемъ мы, далѣе, отсюда, какую сильную поддержку оказываютъ и будутъ оказывать католицизму въ его пропагандѣ западныя государства—Франція, Австрія и Италія. Впечатлѣніе отъ этой картины получается очень тяжелое ¹⁾. И нельзя не понять автора, когда онъ со скорбью восклицаетъ: „Можемъ-ли мы, можетъ-ли Россія оставаться равнодушной зрительницей этой неравной, трагической борьбы! Можемъ-ли мы допустить, чтобы наши единовѣрцы, чтобы Востокъ, носитель столь великой святости и славы, которому мы обязаны и нашей вѣрой, былъ выданъ головой враждебному намъ Риму!.. Нѣтъ! Конечно, нѣтъ“ (стр. 25)! Россія, по мнѣнію автора, обязана помочь своимъ братьямъ по вѣрѣ, а въ значительной мѣрѣ—и по крови. „Никогда еще, говоритъ онъ, стремленіе къ соединенію болѣе или менѣе однородныхъ церковныхъ единицъ въ большія религиозныя группы не становилось такъ пастойчиво и рѣшительно на очередь, какъ именно въ настоящее время, никогда еще такъ не выяснялось и великое значеніе Россіи, какъ первенствующей православной державы! Можно-ли, не грѣшио-ли въ такую минуту оставаться въ сонливо-самодовольномъ, тупомъ бездѣйствіи“ (стр. 27)! Но настроеніе русскаго общества представляется ему не совсѣмъ соответствующимъ этому святому призванію Россіи. „Что намъ за дѣло до какихъ то автокефальныхъ церквей Востока или Запада,— говорятъ будто-бы наши китайцы: какая тамъ древняя вселенская церковь первыхъ восьми столѣтій и семи соборовъ, которой Христосъ даровалъ даръ непогрѣшимости, но о которой мы знаемъ такъ не много! Есть у насъ свои поны, и архіереи, и св. Синодъ въ С.-Петербургѣ! Чего намъ еще? а забунтуютъ у насъ тамъ какіе Пашковцы или Толстовцы — такъ на этотъ случай есть у насъ и полиція, готовая защитить нашу церковь. И ко-

¹⁾ Не имѣя возможности воспроизвести эту картину въ болѣе или менѣе длинныхъ выпискахъ, мы рекомендовали бы читателямъ самимъ ознакомиться съ этой брошюркой г. Кирѣева. Они прочтутъ ее несомнѣнно съ большимъ интересомъ.

нецъ! О чемъ намъ хлопотать? Намъ за нашей великой стѣной и такъ хорошо. Автокефальныя церкви? Да большинство насъ и пересчитать-то ихъ не счумѣетъ“ (стр. 27—28 въ „Рел. зад.“). Авторъ совершенно справедливо возмущается такимъ себялюбивымъ, чуждымъ не только христіанской любви, но даже и пониманія собственныхъ интересовъ, отношеніемъ (стр. 28—30).

Какія же собственно предстоятъ намъ задачи на Востокъ?— „Для насъ, говоритъ г. Кирѣевъ, вопросъ состоитъ въ томъ, сознаемъ ли мы, видимъ ли мы съ надлежащей ясностью настоящее религиозное, церковное положеніе Востока и то будущее его положеніе, въ которомъ онъ очутится, когда съ него спадетъ оттоманское ярмо, а равно и то положеніе, въ которомъ, вмѣстѣ съ нимъ, очутимся и мы, и самыя автокефальныя православныя Церкви? Думаю, что ничего этого мы себѣ еще не уяснили! На вопросъ „что же дѣлать?“ можно пока отвѣтить только слѣдующее: Во-первыхъ, — мы должны хорошенько понять, что намъ предстоитъ выдержать тяжелую, упорную борьбу съ могущественнымъ врагомъ, а стало быть, и быстро готовиться къ отпору! Вѣдь борьба идетъ уже и теперь; только мы, по обыкновенію, не умѣемъ ея разглядѣть, потому что она происходитъ за-границей, а мы отвыкли понимать, что и за-границей живутъ православныя, и что *мы съ этими православными составляемъ одну и ту же единую Церковь!* Повторяю, борьба уже въ полномъ ходу, но она загорожена отъ насъ призракомъ оттоманскаго государства. Недавно даже и въ самомъ Константинополѣ учреждена школа для совращенія православныхъ дѣтей, на дняхъ началось присоединеніе къ Риму Коптовъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ православіе искореняется съ помощью австрійскаго правительства... Все это ведется систематически“ (стр. 30—31).

Въ чемъ же должно состоять это приготовленіе къ предстоящей борьбѣ?—Г. Кирѣевъ указываетъ здѣсь три главныхъ мѣры: 1) *Изученіе* Востока, 2) установленіе *представителей* нашей Церкви при автокефальныхъ церквахъ и 3) собственное *объединеніе* православныхъ церквей.

„Намъ необходимо, говоритъ авторъ, немедленно приступить къ подробному изученію всего православнаго Востока, познакомиться съ его силами, сообразить, насколько онъ

самъ, предоставленный самому себѣ, безъ посторонней помощи, способенъ къ сопротивленію. Намъ необходимо выяснитъ, отъ чего зависитъ податливость Востока относительно римской пропаганды—отъ неспособности ли его понять римскую лестъ (на которую и мы, съ дуру, такъ податливы), римскія ухищренія, или отъ того, что Востокъ подъ часъ готовъ поступиться и интересами вѣры, лишь бы спасти интересы своей народности. Отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть и нашъ образъ дѣйствій. До учрежденія Палестинскаго Общества, съ Востока нами получались самыя скудныя свѣдѣнія. Съ основаніемъ сего Общества, прекрасной дѣятельности коего нельзя не сочувствовать, дѣло улучшилось; не этого не достаточно, намъ необходимо имѣть гораздо болѣе точныя и разностороннія свѣдѣнія. Для этого намъ необходимо имѣть специальныхъ ученыхъ агентовъ, живущихъ на Востокѣ, всесторонне его изучающихъ и при томъ свободныхъ отъ всякихъ постороннихъ служебныхъ заботъ и дѣлъ, въ родѣ тѣхъ эмиссаровъ, которыхъ высылаетъ Римъ для изученія Востока и Россіи“ (стр. 32). Высказанной здѣсь мысли г. Кирѣева нельзя не сочувствовать. Польза отъ такихъ агентовъ была бы несомнѣнная. А сколько научно образованныхъ силъ, напр., изъ нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній могли бы найти здѣсь широкое поприще для своего приложенія, — вмѣсто того, чтобы иной разъ итти служить по акцизу или коптѣть въ столичныхъ и даже провинціальныхъ канцеляріяхъ!

„Кромѣ сего, читаемъ дальше, при всѣхъ автокефальныхъ церквахъ намъ слѣдовало бы имѣть постоянныхъ представителей, специальныхъ ученыхъ, знающихъ мѣстные языки, могущихъ служить постоянными посредниками между нами и другими автокефальными церквами, и при этомъ не связанныхъ какими-либо посторонними обязанностями и должностями. Вотъ ежели бы все это было, мы бы знали, какими силами располагаетъ та или другая церковь, и вообще Востокъ, и какими силами располагаетъ въ данной мѣстности Римъ. Тогда бы мы не ходили въ потемкахъ, и могли бы установить общій планъ дѣйствій, котораго у насъ не существуетъ“ (стр. 33). И съ этимъ нельзя не согласиться. Въ добрый часъ!

Третье рекомендуемое г. Кирѣевымъ средство—собственное объединеніе православныхъ церквей. Какъ понимать это объединеніе?—Это значить, по его словамъ, что „намъ необходимо успокоиться, объединиться у себя дома, столковаться относительно того, *что* собственно мы должны защищать и отстаивать. Къ чему должны стремиться“ (стр. 33—34)? Совершенно справедливо, выяснить все это слѣдуетъ. „Вѣдь многіе, говоритъ онъ, и не подозреваютъ, что мы живемъ и не въ единствѣ и не въ мирѣ, что при полномъ единствѣ догматическомъ, у насъ *въ очень многихъ и очень серьезныхъ вопросахъ* единства нѣтъ; а это, конечно, значительно ослабляетъ нашу Церковь. Относительно этого единства будутъ несомнѣнно высказаны вещи очень неожиданныя, именно потому, что у насъ смотрятъ весьма различно на то, въ чемъ единство это должно собственно состоять, и чѣмъ и когда оно нарушается, гдѣ начинается обязательный догматъ, и гдѣ—свободное богословское мнѣніе, гдѣ безусловная истина и гдѣ ея толкованіе“ (стр. 34). Признаемся, что и мы собственно никогда не думали, чтобы разности между православными церквями могли когда-нибудь подать серьезный поводъ къ утвержденію, будто „мы живемъ и не въ единствѣ, и не въ мирѣ“. Но посмотримъ, какъ г. Кирѣевъ рисуетъ нашу „рознь“.

„Что въ настоящее время рознь существуетъ, читаемъ мы у него, это, къ несчастію, не подлежитъ сомнѣнію! Не касаясь области доктринальной, я укажу на нѣсколько фактовъ изъ области чисто практической, но тѣмъ не менѣе весьма важныхъ. Извѣстно, напр., что восточные патріархи, а отчасти и Греки королевства смотрятъ на католиковъ и протестантовъ не такъ, какъ смотримъ мы ¹⁾). Мы и патріархаты присоединяемъ ихъ совершенно различно, стало быть, и смотримъ на нихъ различно. Кто же правъ? Для Грековъ они еретики и даже не крещеныя, стало быть, въ сущности нехристи... Практика эта основана на различномъ пониманіи того, что значить ересь... Позволю себѣ указать еще на нѣкоторые примѣры, — на разность въ пониманіи

¹⁾ Объ этомъ не мало было толковъ по случаю присоединенія къ православію двухъ высокыхъ особъ, королевы Спартанской Софіи и княжича Бориса.

тайнства брака. Тайнство это служитъ основаніемъ семейства, семейство же—основаніе всякаго гражданскаго общества. Но *устойчивость этого общества зависитъ въ значительной степени отъ легкости или затруднительности разводовъ*. Легкость разводовъ можетъ фактически свести самое тайнство на нѣтъ! Въ этомъ отношеніи между Константинополемъ и нами (и еще болѣе Румынами) разница очень велика... У насъ, и еще болѣе у Румынъ легкость разводовъ дошла до крайности, до самыхъ печальныхъ размѣровъ... Такое разномысліе о столь важномъ вопросѣ, конечно, крайне прискорбно! Это поважнѣе обливанія или погруженія, или поста въ субботу, о которыхъ написаны цѣлые томы. Не менѣе важны разногласія, существующія въ разныхъ православныхъ государствахъ въ пониманіи отношеній между Церковью и мірской властью. Мірская власть, не касаясь даже догматовъ, не нарушая ихъ, можетъ стѣснять жизнь церкви, вносить въ нее разлагающіе элементы. Вопросъ объ отношеніяхъ міра къ церкви рѣшается очень различно въ разныхъ православныхъ государствахъ — и *это несомнѣнное и великое зло!* Зло это слѣдовало бы исправить и, — *конечно*, въ смыслѣ возвращенія церкви и ея представителямъ большей самостоятельности, хотя бы въ правѣ выраженія осужденія тѣхъ или другихъ фактовъ общественной жизни, которыхъ церковь не можетъ и не должна одобрять... Я позволилъ себѣ указать на такіе примѣры разногласій, которые относятся къ практическимъ сторонамъ жизни, не заглядывая въ теорію, въ разные богословскія мнѣнія... А тутъ непочатый уголь самыхъ неожиданныхъ разномысліи!... Вопросъ сводится къ слѣдующему: *чему должны мы вѣрить, что* обязательно для христіанина? Намъ отвѣчаютъ, что мы должны вѣрить догматическимъ постановленіямъ вселенской церкви... Но въдь этимъ дѣло не ограничивается: есть великое множество каноновъ, правилъ, принятыхъ на тѣхъ же семи Вселенскихъ соборахъ и на соборахъ помѣстныхъ; существуетъ, кромѣ того, много правилъ и отдѣльныхъ отцовъ Церкви, которыя не только сами по себѣ важны, но которыя одобрены и соборами, покрыты ихъ авторитетомъ... Но среди нихъ есть множество такихъ каноновъ, которые въ древности имѣли полное значеніе, а теперь не только не имѣютъ *никакого*,

но даже и совершенно не примѣнимы къ жизни, въ полномъ съ нею разладѣ... Можно найти много каноновъ очень стѣснительныхъ для совѣсти христіанина. Все это служить источникомъ великихъ разногласій и не можетъ не смутить челоуѣка, относящагося съ должнымъ почтеніемъ и страхомъ къ законамъ церкви“ (стр. 34—39).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію рекомендуемыхъ г. Кирѣевымъ средствъ, „чтобы установить желанное единство“, остановимся на слѣдующемъ вопросѣ: указываемыя имъ разности дѣйствительно-ли такого вопіющаго свойства, чтобы изъ-за нихъ поднимать тревогу и заявлять, что „мы живемъ и не въ единеніи и не въ мирѣ“? — Несомнѣнно, что задача взаимныхъ отношеній автокефальныхъ церквей есть охраненіе и укрѣпленіе „союза единомыслія и любви съ другими православными церквями“¹⁾. Чѣмъ полнѣе это „единомысліе и любовь“, тѣмъ лучше. Во всемъ главномъ и существенномъ между православными церквями есть полное „единомысліе“,—нѣтъ между ними никакихъ догматическихъ разностей; и „любовь“ между ними существуетъ тоже почти полная²⁾. Теперь г. Кирѣевъ увѣряетъ, что если мы вздумаемъ столкнуться съ прочими православными церквями, то „относительно этого единства будутъ несомнѣнно высказаны вещи очень неожиданныя“³⁾... Пусть такъ. Но что-же выйдетъ изъ этихъ „очень неожиданныхъ вещей“, изъ этого обмѣна сюрпризами? — Едва-ли тогда „сюзъ любви“ между церквями станетъ прочнѣе, а скорѣе всего выйдетъ распря. Неужели этого желательно г. Кирѣеву?! Ужъ если теперь онъ увѣряетъ, что мы живемъ „не въ единеніи и не въ мирѣ“, то что-же онъ скажетъ тогда?... А по нашему мнѣнію, пока открытаго раздора и пререканій между церквями изъ-за существующихъ разностей нѣтъ, нечего и шумъ производить изъ-за этого, а то выйдетъ еще хуже. Къ чему намъ выступать зачинщиками раздора? И нужно быть очень большимъ оптимистомъ, чтобы надѣяться, будто изъ этой попытки столкнуться выйдетъ

1) Митр. Филаретъ, Собр. мн. и отв. т. IV, стр. 389.

2) Греко-болгарская распря, будемъ надѣяться, рано или поздно кончится примиреніемъ.

3) См. въ приведенной выше выдержкѣ. Курсивъ нашъ.

толкъ: неужели можно серьезно думать, что, напр., греки намъ уступятъ?— Никогда: вся ихъ церковная исторія свидѣтельствуесть, какъ мало они способны на уступчивость, да и теперешнее ихъ отношеніе къ славянскимъ церквамъ не свидѣтельствуесть объ ихъ сговорчивости. Лучше пусть остаются разности, но не нарушася любовь!

Посмотримъ однако на самыя эти разности. Дѣйствительно ли онѣ нарушаютъ единеніе и миръ между церквами?

Во-первыхъ, г. Кирѣвъ указываетъ на разницу между русской и греческой церквами въ чинопріемѣ католиковъ и протестантовъ. Безспорно, что практика русской церкви имѣеть въ свою пользу болѣе основаній, какъ вполне согласная съ практикой древней церкви, и греки не правы, перекрещивая католиковъ и протестантовъ; безспорно, что они имѣютъ не совсѣмъ правильное понятіе о значеніи этихъ заблужденій. Но что-же изъ этого? Проистекаетъ-ли отсюда какое-либо реальное зло? Кажется, нѣтъ. Такъ и пусть ихъ остаются при своемъ мнѣніи. Вѣдь ущерба для православія отъ такой излишней ревности по вѣрѣ нѣтъ. Такъ будемъ-же снисходительны къ немощной совѣсти нашихъ братьевъ по вѣрѣ ¹⁾.

Во-вторыхъ онъ указываетъ на легкость развода въ нѣкоторыхъ прав. церквахъ. Этого указанія мы совершенно не понимаемъ. Какое это имѣеть отношеніе къ миру церковному? Если-бы какая нибудь церковь отказалась отъ ученія о нерасторжимости брака (кромѣ вины прелюбодѣянія), тогда-бы другое дѣло. А то ученіе церковное остается не-

¹⁾ Замѣчательно мудро смотрѣлъ на этотъ вопросъ митр. *Филаретъ*. Находя русскую церковь правою въ этомъ вопросѣ, онъ однако не видѣлъ тутъ никакого повода къ раздору, пока сами греки не высказали намъ неодобрения. Но и тогда, опасаясь за миръ церковный, онъ всетаки не терялъ надежды на благополучный исходъ разногласія и замѣчательно сочувственно встрѣчалъ всякій проблескъ миролюбія со стороны грековъ. „Въ сужденіяхъ восточныхъ о крещеніи, писалъ онъ А. Н. Муравьеву, сѣются сѣмена раскола. Это на небольшой грядкѣ домашнихъ разговоровъ и частныхъ сношеній. но журналы греческаго королевства выносятъ оное на широкое поле общественности и, можетъ быть, постараются, чтобы оныя росли“ (стр. 369). Когда затѣмъ онъ въ 60-хъ годахъ узналъ, что греки, хотя и находятъ нашу практику неправильной, однако не осуждаютъ ея, онъ высказался: „Сего довольно до лучшаго времени. Разногласіе спить“ (Собр. мн. по дѣл. прав. Ц. на вост., стр. 395).

измѣннымъ, и только одна церковь меньшія требованія предъявляетъ для удостовѣренія супружеской невѣрности, чѣмъ другая: съ какой-же стати толковать, что нѣтъ между ними единенія и мира? Жалобы на легкость развода совершенно не резонны, если только разводъ совершается вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности. Жаловаться въ этомъ случаѣ слѣдуетъ только на легкость нравовъ. Было-бы тяжело и несправедливо вынуждать насильственно къ сожителству супруговъ, нарушившихъ взаимную вѣрность.

Въ третьихъ, г. Кирѣевъ упоминаетъ о ненормальныхъ отношеніяхъ между нѣкоторыми православными церквами и ихъ государствами. Это — вопросъ, безспорно, чрезвычайно важный, и правильное рѣшеніе его въ высшей степени желательно. Въ своемъ „Краткомъ изложеніи“ г. Кирѣевъ также удѣляетъ ему не мало вниманія, и мы ниже скажемъ нѣсколько словъ о его взглядахъ на этотъ предметъ. Здѣсь-же мы должны замѣтить, что, — вполне сочувствуя мысли автора о необходимости поднять и рѣшить этотъ важный вопросъ, вполне сочувствуя и тому рѣшенію его, какое онъ предлагаетъ, — мы не понимаемъ однако, какимъ образомъ неправильное его рѣшеніе нарушаетъ „миръ и единеніе“ церквей. Пусть каждая церковь устраиваетъ, какъ знаетъ, свои отношенія къ государству; для мира и единенія съ прочими церквами необходимо только, чтобы она въ чистотѣ содержала догматы православія и не отступала отъ основныхъ каноническихъ началъ въ своемъ устройствѣ и управленіи.

Въ четвертыхъ, его смущаетъ чрезвычайно большое разнообразіе богословскихъ мнѣній и невыясненность того, „гдѣ начинается обязательный догматъ, и гдѣ — богословское мнѣніе, гдѣ безусловная истина и гдѣ ея толкованіе“. Противъ этого пункта мы протестуемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ — прежде всего, во имя интересовъ самого православія и, затѣмъ, во имя интересовъ богословской науки. Г. Кирѣевъ находитъ недостаточными обязательныя догматическія постановленія Вселенскихъ соборовъ и желалъ-бы пополнить ихъ новыми обязательными разъясненіями, — тенденція чисто католическая¹⁾. Далѣе, осуществленіе его желанія связало-бы

¹⁾ Эту свою мысль мы пояснимъ ниже, когда будемъ говорить о проектѣ Вселенскаго собора, предлагаемомъ г. Кирѣевымъ.

по рукамъ и ногамъ богословскую науку: уже одинъ фактъ существованія въ прав. церквахъ разнообразныхъ богословскихъ мнѣній доказываетъ, что послѣднія не противорѣчатъ христіанской совѣсти людей, ихъ высказывающихъ и приемлющихъ. Ничего неправославнаго въ нихъ нѣтъ, а обязательная ихъ регламентація была-бы только узамъ для совѣсти христіанина и ученаго. А затѣмъ и самый тезисъ г. Кирѣева не вѣренъ: всякій богословски образованный чело-вѣкъ прекрасно знаетъ, гдѣ догматъ и гдѣ богословское мнѣніе.

Въ пятыхъ, наконецъ, онъ жалуется на то, что многіе каноны не имѣютъ приложенія въ церковной жизни, и вообще церковная жизнь вышла изъ рамокъ, очерчиваемыхъ „Книгой правилъ“, при чемъ практика одной церкви зачастую очень не похожа на практику другой. Это все правда. Пересмотръ каноновъ и согласованіе ихъ съ церковною жизнью были-бы дѣйствительно очень желательны.

Тенерь посмотримъ, какія-же средства предлагаетъ г. Кирѣевъ для установки мира и единенія. Главнымъ и единственнымъ средствомъ онъ считаетъ *Вселенскій соборъ*, который одинъ „достаточно могущественъ и авторитетенъ для того, чтобы сказать всему Востоку, всему православному міру: вотъ основанія для всеобщаго умиротворенія, для прочнаго единства; вотъ то, что все должны признавать; вотъ источники нашей нравственной силы!“ (Стр. 41—42). Онъ очень подробно разсуждаетъ о необходимости Вселенскаго собора и о вопросахъ, которые ему предстоитъ обсудить (Рел. зад. стр. 42—48). Разсужденія его по этому вопросу очень любопытны и заслуживаютъ полнаго вниманія. Но прежде чѣмъ познакомиться съ ними, спросимъ себя, какъ намъ смотрѣть на самую мысль о Вселенскомъ соборѣ въ наше время.

Никто не станетъ спорить, что Вселенскій соборъ, если-бы онъ могъ быть созванъ въ настоящее время, не только устранилъ-бы все различія между церквами, не только разрѣшилъ-бы многіе болѣзненные вопросы церковной жизни, но и во многихъ-многихъ другихъ отношеніяхъ принесъ-бы церкви громадную и даже трудно предвидимую а ргіогі пользу. Потому-то онъ и является самой задушевною мечтою всехъ истинныхъ сыновъ церкви: мысль о немъ чрезвычайно стара, —

возрастъ ея опредѣляется столѣтіями. Но... мечта эта— совершенно безнадежная. *Вселенскій соборъ невозможенъ ни въ настоящее время, ни въ близкомъ будущемъ.* „Съ тѣхъ поръ, какъ христіанство раздѣлилось на двѣ несоединенныя доселѣ половины, Вселенскихъ соборовъ не можетъ быть, доколѣ не послѣдуетъ общаго соединенія“¹⁾. А послѣдуетъ-ли когда-нибудь наше соединеніе съ Римомъ?..

Г. Кирѣевъ это обстоятельство совершенно упустилъ изъ виду. Онъ полагаетъ, что Вселенскій соборъ можетъ быть составленъ „совокупностью всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей“ (стр. 42). Полная ошибочность такого взгляда не нуждается въ доказательствахъ. Совокупность всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей можетъ составить только большой помѣстный соборъ.

Но допустимъ, что Вселенскій соборъ возможенъ; допустимъ одно изъ двухъ одинаково невѣроятныхъ предположеній: или произойдетъ наше соединеніе съ Римомъ, или мы убѣдимся, что Вселенскій соборъ возможенъ и безъ Рима... *Есть-ли основанія говорить о его необходимости въ настоящее время?*—Мы полагаемъ, что *такихъ основаній нѣтъ.* Что такое Вселенскій соборъ? Есть-ли это постоянное или, по крайней мѣрѣ, регулярно повторяющееся проявленіе церковной жизни? Можетъ-ли онъ быть созываемъ,—когда просто только накопилось достаточно важныхъ и трудныхъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія?—Нѣтъ! Вселенскій соборъ есть *чрезвычайное* проявленіе церковной жизни, вызываемое чрезвычайными, *специфически-опредѣленными причинами.* Онъ не можетъ собираться такъ себѣ, для обсужденія накопившихся и стоящихъ на очереди вопросовъ. Эта послѣдняя функція специально принадлежитъ собору помѣстному. *Вселенскій соборъ есть великій, вспомошествоваемый и руководимый Духомъ Святымъ, актъ самопознанія церкви, имѣющій цѣлью низложеніе и обличеніе какого-либо губительнаго для вѣры и христіанскаго упованія, лжеученія.* Припомнимъ исторію и практику Вселенскихъ соборовъ. Они всегда собирались *по поводу ересей*, подрывавшихъ значеніе всего

¹⁾ Митр. *Филаретъ*. Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи Восточной Греко-Россійской церкви. Москва. 1833 г. изд. 2. Стр. 62.

домостроительства нашего спасенія. въ ничто обращавшихъ все дѣло Христово, или лишавшихъ смысла нравственную дѣятельность христіанина ¹⁾. Обличая ересь, они свидѣтельствовали единство своей вѣры, неизмѣнно хранящееся во всѣхъ помѣстныхъ церквахъ отъ временъ апостольскихъ (актъ самопознанія церкви) ²⁾. Отцы соборовъ начинали свои опредѣленія словами: „Изволися Духу Святому и намъ“... Ясно, что созывать вселенскій соборъ для обсужденія просто очередныхъ вопросовъ, когда церковь вовсе не раздражается какими-либо лжеученіями, когда вѣрѣ и упованію христіанскому не грозитъ никакая опасность, значить *искушать Духа Святого, унижать значеніе Вселенскаго собора*. Католики забыли это: кромѣ семи Вселенскихъ соборовъ они понадѣлали много еще псевдо-вселенскихъ, собиравшихся не только пезаконно съ канонической точки зрѣнія ³⁾, но и безъ достаточной причины. И что же? Въ ихъ опредѣленіяхъ „изволися Духу Святому“ становится *хулой на Духа Святого*. На мѣсто дѣла Божія является нечестивое дѣяніе человѣческое (осужденіе Гуса, провозглашеніе непогрѣшимости). Неужели и намъ идти по ихъ стопамъ, когда никакая губительная ересь не раздражаетъ нашей церкви? Какъ-бы ни были важны вопросы, выдвинутые жизнью церкви (будь то даже вопросы догматическіе), обращаться къ вселенскому собору безъ достаточной причины нельзя. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи дастъ опять Римъ. Безспорно, вопросы о непорочномъ зачатіи и о непогрѣшимости назрѣли въ католическомъ богословіи и давно уже вошли въ сознаніе большинства католиковъ. Но не явись несчастной мысли догматизировать эти мнѣнія, они такъ-бы и оставались мнѣніями, а можетъ быть, со временемъ и исчезли-бы. Теперь же плоды человѣческаго суетумудрія и гордости облечены въ одежду богоустановленной истины... Въ ветхомъ завѣтѣ Богъ не отвѣчалъ чрезъ „уримъ“ и „туммимъ“, когда задуманное дѣло не соответствовало Его волѣ (1 Цар. 14, 37;

¹⁾ Ср. выше сказанное о признакахъ православія.

²⁾ См. тамъ-же о возведеніи къ апостольскому преданію.

³⁾ Мы хотимъ этимъ сказать только, что они не имѣли права претендовать на названіе вселенскихъ.

28, 6). Такъ и латиняне незаконно желали получить санкцію Духа Святаго на свои измышленія, но, конечно, не получили. Результатъ всѣхъ этихъ нашихъ разсужденій о Вселенскомъ соборѣ—тотъ, что въ настоящее время нѣтъ достаточныхъ основаній говорить о его необходимости.

Въ настоящее время возможенъ только помѣстный соборъ, — большой или малый. Къ этому собору дѣйствительно примѣнимы всѣ тѣ разсужденія о его необходимости и пользѣ, которыя г. Кирѣевъ незаконно примѣняетъ къ собору Вселенскому. Къ помѣстному, напр., собору вполне подходитъ его утвержденіе, что „для церкви виѣ соборнаго, совѣщательнаго начала нѣтъ и жизни; что тамъ, гдѣ оно оскудѣваетъ,—оскудѣваетъ и самая жизнь; тамъ, гдѣ ему ставятъ преграды, — церковь теряетъ свою духовную мощь и превращается въ административный организмъ, въ департаментъ“ (стр. 18 въ „Кратк. изл. слав. уч.“). Созыву такого собора нельзя, конечно, не сочувствовать. Нельзя также сомнѣваться въ „великой пользѣ его“ для церкви (слова г. Кирѣева въ „Рел. зад.“, стр. 43), — по крайней мѣрѣ, разсуждая отвлеченно.

Главнѣйшіе вопросы, которые подлежали-бы его обсужденію, г. Кирѣевъ перечислилъ довольно полно и совершенно вѣрно. Вотъ эти вопросы: греко-болгарскій (стр. 44), русскій раскольникій (стр. 44—46) армянскій (стр. 46—47), абиссинскій и коптскій (стр. 47), старокатолическій (ibid), вопросъ объ отношеніяхъ государства и церкви въ православныхъ и неправославныхъ церквахъ (Кр. изл. стр. 17, прим.), пересмотръ собранія канонѳвъ и выдѣленіе изъ нихъ вѣчно обязательныхъ и неизмѣнныхъ (ibid) и изданіе катихизиса православной вѣры (Рел. зад., стр. 47). По нашему мнѣнію не слѣдовало-бы только включать въ кругъ этихъ вопросовъ авторизаціи катихизиса, потому что это, во-первыхъ, есть право собственно вселенскаго собора, во-вторыхъ, было-бы подражаніемъ католицизму и, въ-третьихъ, могло-бы стѣснить нѣкоторыя христіанскія совѣсти.

Повторяемъ, разсуждая теоретически, нельзя не ожидать большой пользы отъ собора автокефальныхъ церквей. Но, принимая во вниманіе практическія условія церковной жизни, нельзя и не призадуматься надъ возможными послѣдствіями этого дѣла, которыя, говоря языкомъ г. Кирѣева, могутъ

оказаться „очень неожиданными“. Предположимъ, напр., что Константинопольскій патріархъ окажется въ какомъ-либо важномъ вопросѣ,—допустимъ хоть о болгарской схизмѣ, — несогласнымъ съ представителями прочихъ церквей (а въ этомъ предположеніи ничего нѣтъ невѣроятнаго), или какая-нибудь другая помѣстная церковь проявитъ такое несогласіе. Что изъ этого выйдетъ? Новый расколъ? А развѣ это желательно? А затѣмъ, развѣ можно предвидѣть всѣ возможныя „неожиданности“, отъ которыхъ, какъ выражался митрополитъ Филаретъ, „вмѣсто желаемого мира можетъ произойти большой раздоръ?“ ¹⁾ Не лучше-ли поэтому не созывать большого-то собора, а *ограничиться только, напр., всероссійскимъ?* Это и удобоисполнимо и безопасно ²⁾. А мнѣніе прочихъ автокефальныхъ церквей можно будетъ узнать путемъ переговоровъ съ ихъ предстоятелями. Это особенно удобно въ томъ отношеніи, что въ случаѣ серьезнаго разногласія, переговоры можно будетъ во всякое время прекратить безъ особеннаго шума и огласки, и миръ церковный не будетъ нарушенъ.

Мы упоминали, что въ религіозной программѣ г. Кирѣева очень видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ *отношеніи церкви къ государству*. Мы уже не разъ видѣли, какъ онъ настойчиво подчеркиваетъ то, что Россія есть „государство-церковь“, „святая Русь“. Это показываетъ, что идеальнымъ отношеніемъ церкви и государства ему представляется ихъ тѣсный *союзъ*. Но какое отношеніе сторонъ должно существовать въ этомъ союзѣ? Это мы яснѣе всего можемъ понять изъ того отвѣта, какой г. Кирѣевъ даетъ на упрекъ, будто славянофилы „равнодушно смотрятъ

¹⁾ М. Филаретъ. Собр. мн. по дѣл. прав. Ц. на Вост., стр. 395.

²⁾ Говоря объ удобоисполнимости, мы собственно имѣемъ въ виду слѣдующее обстоятельство, сопряженное съ созывомъ большого собора и отмѣчавшееся еще и. Филаретомъ: „По чину древнихъ соборовъ, нисаль онъ, на соборъ должны придти всѣ епископы церковныхъ областей, принимающихъ соборъ, или, по крайней мѣрѣ, большее число епископовъ, которымъ прочіе могутъ ввѣрить на сей случай свои голоса. Но удобно-ли, напр., хотя 25 россійскихъ епископовъ, съ потребнымъ паутетвѣемъ, отпривить въ Константинополь на неопредѣленное, безъ сомнѣнія, не краткое время, и столько епархій, болышею частію обширныхъ, оставить безъ архіереевъ?“—Собр. мн. по дѣл. пр. ц.—ви на Вост., стр. 105.

на приниженность церкви, на ея зависимость отъ администраціи, отъ міра“ (стр. 18).— „Славянофилы, говорятъ опъ, никогда не преклонялись передъ оффиціальною премудростію, когда, какъ имъ казалось, она шла въ разрѣзъ съ премудростію церкви... Напротивъ, мы бы очень желали, чтобы вліяніе церкви на дѣла міра не превращалось въ обратное, т. е. во вліяніе міра на церковь, мы бы очень желали, чтобы личный составъ нашего духовенства пополнялся и изъ лицъ, принадлежащихъ къ высокимъ слоямъ общесгва, что несомнѣнно подняло бы его значеніе и придало бы ему большую самостоятельность“ (стр. 19). Мысли эти, въ сущности, очень не новы, и защитники церкви давно уже ихъ раскрывали и раскрываютъ съ большею подробностью и въ болѣе практическомъ направленіи. Но хорошую мысль полезно повторять почаще, чтобы она лучше привилась; а затѣмъ и прочитать хорошую мысль пріятно и лишній разъ.

Мы окончили анализъ и оцѣнку славянофильской программы г. Кирѣева. Теперь мы ясно видимъ взаимоотношеніе элементовъ его славянофильской формулы. *Основнымъ, нормирующимъ* принципомъ всей системы онъ совершенно справедливо называетъ *православіе*. *Самодержавіе* — же и *народность*, по его мысли, суть принципы *подчиненные, выводные*. И мы дѣйствительно видѣли на его политической программѣ, какъ послѣдовательно и неуклонно онъ сводитъ свой политическій идеалъ къ религіозному; не даромъ онъ и называетъ его „условнымъ“ (Рел. зад., стр. 29),—очевидно указывая на его обусловленность религіознымъ,—„безусловнымъ“. Въ какой мѣрѣ удовлетворительна эта дедукція, судить не будемъ, но мысль и намѣренія автора — совершенно очевидны. Что же касается *народности*, то мы должны откровенно сказать, что находимъ этотъ принципъ совершенно искусственно вдвинутымъ въ систему, лишеннымъ органической связи съ двумя остальными и не имѣющимъ серьезнаго философскаго значенія. Чтобы не поругать системы, г. Кирѣеву полезно бы было впредь *не выставлять на своемъ знамени принципъ народности*. Правда, тогда названіе

„*славянофильство*“ не будетъ годиться для этой системы. Но вѣдь дѣло не въ названіи: названіе всегда можно и перемѣнить.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ сказать, что мы прочитали обѣ разсмотрѣнныя книжки г. Кирѣева съ величайшимъ удовольствіемъ, порождавшимся какъ интересомъ предмета, такъ равно, и мастерствомъ его обработки и глубокой симпатичностью основпыхъ воззрѣній автора. Наше несогласіе со многими его выводами и сужденіями нисколько не ослабляло этого впечатлѣнія.

И. Тихомировъ.
